

Корреспонденции

ИЗ КАМЫШИНСКОГО УЕЗДА

(Корреспондент «Саратовского Дневника»)

Высшая степень культуры, с которой пришли немцы сто лет тому назад в Россию, и исключительное положение их, долгое время не плативших подати и пользовавшихся большим количеством земли, вместе с их природной настойчивостью в достижении намеченных целей, сделали их колонии цветущими оазисами среди бедных сел и деревень Камышинского уезда. Прекрасные проекты нашего правительства и мысли, проводимые литературой о введении ремесел, о развитии новых и о поддержке уже существующих видов кустарничества, давным-давно осуществлены немецкими колонистами, без всяких понуждений извне, самостоятельно, единственно в силу экономических житейских соображений, которыми они были обязаны своей высшей сравнительно с русским крестьянством культурности. Русский крестьянин сметлив и способен не менее немца; но жизнь нескольких поколений в рабской зависимости от помещиков и под опекой, лишила его умственной бодрости и предприимчивости. Русский мужик боится ступить иначе, чем он делал это вчера, чтобы не было хуже. Данная свобода не могла сразу усилить подъем его духа, тем более, что ему скоро дали себя знать недостаток земли и быстро возвышавшиеся цены на съемную землю, и это обстоятельство наложило на него новый гнет, а распорядиться своим свободным временем и употребить его на изучение ремесел и введение кустарничества крестьянин не мог по своей умственной неподготовленности.

После этого невольного отступления и невеселых мыслей, завладевающих русским человеком при взгляде одновременно на немецкие колонии и русские села, я опять возвращаюсь к немцам. Самая бедная колония, бесспорно, Поповка, Мессерской волости. Незавидная постройка вообще, разрушенные дома, множество пустырей – наглядно доказывают ее разоренность; причины упадка этой колонии объясняют различно, но я не буду на них останавливаться: я хочу только сравнить бедную немецкую колонию с бедным русским селом; таких сел много на святой Руси, и

читающий корреспонденции или сам бывающий в этих селах знает вполне беспомощное положение, апатию и бездеятельность русских крестьян, обитателей подобных сел. Не то в разоренной Поповке. Немцы, видя, что они особняком неспособны бороться с бедностью, соединились по две, по три семьи в один дом, занялись прилежнее ремеслами и тканьем сарпинки, и живут хотя бедно, но вполне сыты и одеты, чего нельзя сказать об обедневших русских мужиках; у нас эти бедняки уж прямо голодающие, обтрепанное подобие людей. Базарная колония Панцырь сделалась такой благодаря распространению здесь разных ремесел и кустарничеству. В Панцыре более десяти богатых немцев занимаются производством сарпинки, которую ткут жители почти всех окрестных колоний, кроме Норки, где преимущественно занимаются земледелием. В самом Панцыре у хозяев сарпиночных заведений только разматывают бумагу и готовят основу; хорошие сновальщики получают жалованья до 500 руб. в год; бумагу разматывают старики и дети, из которых выходят опытные ткачи, а из более способных – сновальщики. Разматыванием бумаги редко можно заработать более 10 коп. в день, но и это хорошо, если вспомнить русских детей и стариков в обедневших семьях, целую зиму непроизводительно проедающих и без того скудные съестные запасы. Заготовленные основы раздаются для тканья жителям окрестных колоний; ткут от 1 ½ до 3 коп. за аршин, а платки по 5 коп. за аршин; средний работник может выткать 10 арш. в день; дети также участвуют в работе, разматывая уток. Нельзя при этом не отнестись с одобрением и к тому обстоятельству, что занятия немцев никогда не отрывают их от семьи и не действуют так развращающе, как фабричное производство. В изготовлении сарпинки имеют заработок многие тысячи немецкого населения здешнего края. Кроме Панцыря есть сарпиночные заведения и в других колониях; так в кол. Мессер на одно только заведение Шмидта работает до тысячи ткачей. Сарпиночное производство, бесспорно, захватывает собой самое большое число рабочих рук, но немцы вовсе не ограничиваются одной сарпинкой. В том же Панцыре процветает много красильных заведений, есть три кирпичные завода, многие занимаются дублением овчин и кож, имея от 5 до 10 дубильных чанов на одного хозяина. Часовые мастера, столяры, сапожники, каменщики и другие ремесленники в здешнем крае – все немцы;

даже в русском селении трудно найти русского кузнеца – непременно немец. Один панцырский слесарь приобрел известность своими пожарными насосами, а теперь начал подражать выделке американских плугов, и русские крестьяне, купившие его плуги, говорят, что они ничем не отличаются от настоящих американских плугов. В Славнухе, Гололобовке и некоторых других колониях сотни немцев занимаются выделкой обыкновенных плугов и веялок и находят им отличный сбыт как у себя дом, так и на стороне, по преимуществу в низовьях Волги и Дона. Конечно, этот беглый обзор есть только указание на производительность немецких колоний, но и из него уже можно видеть, до какой степени развития ремесел и кустарничества может прийти более культивированный народ, рядом с которым неподвижность русского крестьянина выступает еще рельефнее. Один немец года 3 тому назад, приезжавший в здешние колонии из Германии, нашел, что колонисты, за время их жизни в России, отстали от их заграничных собратьев: но какая разница для нас, русских, между этим отсталым немцем и нашим не умеющим, не знающим, за что взяться, крестьянином!

У русских с давних пор в северной, более известной мне, части Камышинского уезда было три промысла: извоз, пилака леса и садоводство. Извозничество, как промысел, прекратилось с проведением железных дорог; пилака леса, занимавшая многие тысячи рабочих рук, подорвана появлением лесопильных машин, и число пильщиков значительно сократилось. Осталось одно садоводство, которое, кажется, уже не могут подорвать никакие машины, и оно, действительно, разрастается по Камышинскому уезду, достигнув самого большого развития в Золотовской волости. Выгоду занятия садоводством наглядно доказывают хорошие постройки всех хуторян-садоводов Золотовской волости и вполне удовлетворительное благосостояние во всем их хозяйстве. Хуторянин-садовод не знает вовсе той заедающей в конец нужды, с которой приходится бороться захудавшему крестьянину тех сел, в которых нет ни ремесел, ни промыслов. Неурожайные годы, когда не бывает ни яблок, ни других плодов и ягод, редки, чаще случается, что при неурожае яблок родится много разных ягод, или наоборот; в урожайные же годы на то и другое хуторянин имеет возможность запастись копейкой на черный день и просуществовать безбедно;

при том, даже в годы совершенного неурожая садоводы все же не лишаются всей прибыли с садов; неурожаем яблок заменяется усиленной продажей присадков, которые развозятся для продажи далеко в разные стороны, более всего в Область войска Донского, и хуторяне опять-таки возвращаются домой не с пустым карманом. Нельзя только не пожалеть, что это, столь выгодное и единственное здесь, столь распространенное занятие при невозможности получить крестьянам-садоводам дальнейших необходимых знаний по садоводству, остается без всяких усовершенствований.

Саратовский дневник, 1888, № 108, с. 3.